

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Венецианец
Тинторетто оказался
хранителем великой
тайны, след к разгадке
которой можно найти
лишь при помощи
его картин...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Тайна тринадцати апостолов

Артефакт-детектив

Наталья Александрова

Тайна тринадцати апостолов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тайна тринадцати апостолов / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт-детектив)

ISBN 978-5-04-092589-6

Их было тринадцать, тринадцать видных венецианских вельмож и политических деятелей, в XVI веке организовавших заговор с целью изменения системы власти. Именно с них известный живописец Якопо Тинторетто писал картину «Тайная вечеря». Но тайный заговор был раскрыт, дожа Венеции убил кто-то из бывших товарищей, а главная драгоценность города бесследно исчезла... В Эрмитаже перед портретом адмирала Морозини кисти Тинторетто было совершено убийство неизвестного, а сама картина немислимым образом изменилась: на жезле в руке адмирала появилась кровь. Эксперт и реставратор Дмитрий Старыгин исследовал полотно всеми возможными способами и установил, что краска, которой нарисована кровь, подлинная, старинная, как, собственно, и вся картина. А вот таинственной надписи прежде не было. Приехав вместе с портретом адмирала в Венецию, Старыгин случайно обнаружил такую же надпись еще на одном произведении Тинторетто и понял, что жизнь вновь подкинула ему загадку, с которой он просто обязан разобраться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092589-6

© Александрова Н. Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	36
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Тайна тринадцати апостолов

© Александрова Н.Н., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Елизавета Петровна поежилась и обхватила себя руками за плечи. Да уж, в Эрмитаже всегда сквозняки. Хотя у нее зал угловой, последний по коридору, так что и не поймешь, откуда дует. С одной стороны, все-таки хорошо, спокойно, нечасто заглядывают посетители, только если с экскурсией. А с другой стороны – скучно, за весь день не с кем словом перемолвиться.

И картин всего несколько, все портреты. Среди них Елизавета Петровна отличает три. Портрет кардинала кисти Якопо Пальмы Старшего, портрет адмирала Джузеппе Морозини знаменитого Тинторетто и портрет монаха-доминиканца работы неизвестного итальянского художника, скорее всего тоже венецианца.

В зал зашли посетители – парочка молодых людей. Студенты или школьники. Этим все равно, куда ходить, лишь бы вместе. Так и есть, парень обнял девушку за плечи, она громко хихикнула.

Елизавета Петровна строго выпрямила спину и предостерегающе кашлянула.

Не поняли. Или просто не услышали. Девчонка повисла на своем парне, и они самозабвенно принялись целоваться. Ну что тут будешь делать?

Елизавета Петровна встала и огляделась. В зале, кроме парочки, не было никого. Только адмирал Морозини с портрета смотрел сурово да монах слегка улыбался – дело молодое...

Но все же это непорядок.

– Молодые люди, – строго сказала Елизавета Петровна, – здесь все-таки музей, а не ночной клуб! Ведите себя прилично!

Девчонка оторвалась от своего парня и оглянулась удивленно – а что такого?

– Точно, не ночной клуб, – сказал парень с насмешкой, и в глазах его Елизавета Петровна отразилась вся – немолодая усталая женщина, одетая слишком скромно, чтобы не сказать бедно.

И очки сегодня утром сломались, так что пришлось наскоро залепить оправу клеей лентой, и туфли старые, со стоптанными каблуками, она не выбрасывает их, потому что удобные очень, а то в новых-то целый день не отсидишь...

Елизавета Петровна скосила глаза на портреты, словно ища у них поддержки. Кардинал смотрел равнодушно, точнее, вообще в сторону посетителей не смотрел. Зато во взгляде адмирала Морозини прибавилось суровой непреклонности, он сжимал свой жезл твердой рукой. И даже монах, кажется, перестал улыбаться.

Елизавета Петровна еще больше выпрямила спину, так что теперь ей удалось взглянуть на парочку сверху вниз.

– Люди приходят сюда, чтобы смотреть на прекрасное, – отчеканила она, – а целоваться можете в другом месте. Вы меня поняли?

– Я понял, – кротко сказал парень, хотя в глазах его прыгали чертики, – люди приходят сюда, чтобы смотреть на прекрасное, особенно в этом зале.

Девчонка фыркнула, и Елизавета Петровна закончила про себя фразу парня: «А что тогда здесь делаешь ты, музейная серая мышь? На тебя-то уж точно смотреть никто не захочет, оторопь берет...»

Елизавета Петровна недаром была тезкой знаменитой российской императрицы, чем очень гордилась. Она смотрела на парня твердо, не мигая, и даже во взгляде ее появилась суровая непреклонность адмирала Морозини. Не зря говорят – с кем поведешься, от того и наберешься.

Парень первым отвел глаза. Девушка потянула его за рукав, и они ушли, едва слышно перешептываясь. Елизавета Петровна расслабила мышцы лица и плюхнулась на стул. Все же эти мелкие стычки несколько выводят из себя. Может быть, сменить работу? Да куда она пойдет в свои без малого семьдесят лет...

Тяжело вздохнув, Елизавета Петровна снова зябко поежилась и решила выпить чаю. Хотя до перерыва еще час, она должна согреться. А то еще заболит.

И то сказать – осень, скоро наступят холода, сегодня в маршрутке какой-то мужчина всю дорогу надсадно кашлял, разнося вирусы по всему салону.

Елизавета Петровна вышла из своего зала и тщательно заперла дверь. Вот удобство углового помещения – дверь всего одна. Раньше они уходили, просто повесив в проем малиновый шнурок, и дисциплинированные посетители знали, что в этот зал входить нельзя. Но после случая кражи картины¹ руководство музея распорядилось двери запирать.

Елизавета Петровна вернулась минут через сорок. И то торопилась, да ведь идти еще по этим залам минут десять. Итого туда и обратно двадцать, да двадцать минут на чай, меньше никак нельзя.

Ничего, будний день, народу в музее не так много, переживут посетители, если портреты не увидят. И без них в музее есть на что посмотреть. После чая она согрелась и приободрилась, так что отперла дверь твердой рукой и вошла в зал.

Что-то было не так. А именно: на полу посреди зала лежал человек. Лежал он ничком, так что лица не было видно.

Первым чувством Елизаветы Петровны было возмущение. Да что же это такое, что эти посетители себе позволяют? Разлегся посреди зала, как у себя дома! Она не подумала, что дома люди все же не лежат на полу. Вся во власти праведного гнева, Елизавета Петровна решительно шагнула вперед и оказалась рядом с лежавшим.

– Товарищ! – от волнения она забыла, что такое обращение уже давно вышло из моды. – Товарищ, немедленно вставайте! Здесь все-таки музей, а не пляж!

Лежавший не шелохнулся. Елизавета Петровна наклонилась, чтобы тронуть его рукой, потрясти за плечо, но ее остановила непонятная робость. Мужчина лежал неподвижно.

Елизавета Петровна вдруг почувствовала, что перед глазами у нее встала мутная пелена. Ей показалось, что что-то не так с затылком мужчины, а затем она увидела, что какое-то темное пятно расплывается вокруг лежащей головы. Дрожащими руками Елизавета Петровна сняла очки, чтобы протереть их чем придется, и проклятые очки выпали у нее из рук прямо на лежащего человека.

– Эй! – Она наклонилась за очками. – Эй, гражданин, вам плохо?

До нее дошло, наконец, что живой человек не может быть так неподвижен. Она бестолково шарила рядом, пытаясь поднять очки, и совсем близко увидела лужу вокруг головы. И поняла ясно, что это не что иное, как кровь, что человека ударили по голове чем-то тяжелым и он вполне может быть мертв. И ударили его совсем недавно, потому что кровь не то что не успела засохнуть, а вообще только-только вытекает, лужа увеличивается на глазах.

Осознав эту мысль, Елизавета Петровна хотела вскочить и бежать от тела как можно дальше, взывая о помощи. Но ноги ее предательски подкосились, и она с размаху села на пол, причем уловила, что под ней что-то хрустнуло.

«Очки!» – поняла Елизавета Петровна.

¹ См. роман Н. Александровой «Бассейн в гареме».

Не в силах находиться рядом с неподвижным телом, она на четвереньках отползла в сторону. При этом оказалось, что очки не разбились окончательно, просто треснули стекла да еще больше погнулась оправа. Нацепив кое-как очки на нос, Елизавета Петровна почувствовала себя увереннее и опасливо посмотрела на тело.

Это был мужчина, одетый во что-то черное – не то куртка, не то плащ. Волосы на затылке мокрые от крови, а макушка лысая, похожа на тонзуру у монаха.

Вспомнив по аналогии про другого монаха, Елизавета Петровна перевела взгляд на портреты. Улыбка монаха была грустной – еще бы ему веселиться, кардинал по-прежнему был равнодушен к делам земным, а с адмиралом Морозини было что-то не так...

Елизавета Петровна ничего не могла разглядеть в сломанных очках и пыталась подойти ближе к портрету. Для того чтобы встать, понадобилось подползти к стене. Приняв вертикальное положение, она огляделась и мелкими шажками двинулась к портрету.

На первый взгляд адмирал был в порядке. Такой же суровый непреклонный взгляд, блестящая кираса, в руке жезл... Но что это? Жезл был весь в чем-то красном. Да что там, ясно было, что жезл в крови. Кровь стекала с жезла крупными каплями и капала на ковер.

Елизавета Петровна замерла на месте, затем перевела взгляд на тело, потом снова на портрет. Не было сил повернуться, она просто крутила головой, как сова.

– Что же это? – прошептала она. – Как же это? Зачем вы это сделали?

Адмирал молчал. Внезапно Елизавете Петровне показалось, что монах на портрете издевательски смеется, а кардинал гневно вперил в нее палец, адмирал же потряс окровавленным посохом.

Это было уже слишком, и Елизавета Петровна упала на пол в обмороке.

– Василий, имей совесть! – Дмитрий Алексеевич Старыгин укоризненно взглянул на необычайно пушистого рыжего кота, который, изображая на морде тщательно отрепетированное омерзение, отошел от мисочки с сухим кормом.

Василий взглянул на хозяина укоризненно: сам-то небось завтракаешь деликатесами, а несчастному животному подсунул эту дрянь!

Действительно, на антикварном столике перед Старыгиным стояла большая чашка капучино, посыпанного тертым шоколадом, и лежал настоящий итальянский бутерброд – ломтик свежей чиабатты с сыром моцарелла и вялеными помидорами. Дмитрий Алексеевич любил все итальянское, начиная с итальянской живописи эпохи Возрождения и заканчивая итальянской кухней.

Впрочем, отношение к итальянской живописи у него было профессиональным: он был одним из самых крупных экспертов и известным реставратором и работал не где-нибудь, а в Государственном Эрмитаже.

– При чем здесь я! – ответил Старыгин на укоризненный кошачий взгляд. – Разве это я был на осмотре у ветеринара? Разве это мне Ашот Арутюнович прописал строжайшую диету?

Кот попытался взять хозяина на жалость – сгорбился, уставившись в пол, и медленно пошел прочь, подволакивая лапы, как будто у него и сил уже не осталось не то что бегать, а просто идти. Сердце у хозяина привычно кольнуло – не камень ведь, и кот уже облизнулся, предчувствуя, как в мисочке появится кусок ветчины или сыра провалоне, но делу помешал неожиданный телефонный звонок.

Старыгин тяжело вздохнул: вот всегда так! Не дадут насладиться первой утренней чашкой кофе!

Он протянул руку, взял трубку и поднес ее к уху:

– Слушаю!

– Дмитрий Алексеевич, голубчик, вы еще дома? – донесся из трубки хорошо знакомый Старыгину голос – голос заведующего отделом итальянской живописи Александра Николаевича Лютостанского.

– Конечно, дома, – проворчал Старыгин, – ведь сегодня у меня академический день.

Действительно, по условиям трудового договора Старыгин имел право на один дополнительный свободный день в неделю, когда он не приходил в Эрмитаж и занимался собственными научными исследованиями.

– Голубчик, забудьте! – перебил его Лютостанский. – Какой академический день? У нас здесь такое творится, такое... приезжайте немедленно! На вас вся надежда!

– Да что у вас стряслось?

– Приезжайте как можно скорее! Это не телефонный разговор!

Старыгин хотел что-то возразить – но из трубки уже неслись короткие гудки отбоя.

– Вот так всегда! – проговорил Дмитрий Алексеевич обиженным тоном. – В кои-то веки хотел провести спокойное утро, позавтракать со вкусом и потом заняться давно задуманной статьей об особенностях живописной манеры раннего Тинторетто – так опять у них что-то стряслось! Обидно, Василий!

Старыгин опустил взгляд на кота, чтобы тот разделил его обиду – но кот не смотрел на хозяина: он торопливо уписывал моцареллу, которую успел стащить со стола.

– И ты, Василий! – возмущенно воскликнул реставратор. – Это подло! Это удар в спину! От тебя я такого не ожидал! Украсть у хозяина бутерброд – это недостойно воспитанного кота!

Василий торопливо проглотил последний кусочек сыра и победно взглянул на хозяина: «Ну что, чья взяла?»

– Ну, смотри у меня! – Старыгин погрозил ему пальцем. – За это посажу тебя на сухой корм на целый месяц!

Кот ничуть не расстроился – он не поверил.

А Старыгин снова тяжело вздохнул и добавил:

– Хорошо хоть, что ты не пьешь кофе...

С этими словами он поднес к губам чашку.

Впрочем, настоящего удовольствия от кофе он все равно не получил: разве можно пить капучино в спешке, да еще когда голова занята мыслями о том, что же случилось в Эрмитаже?

С трудом допив кофе, он наспех принял душ, оделся, прочитал коту прощальную нотацию и отправился на работу. Кот Василий проводил его равнодушным взглядом и отправился на кухню – надо все же поесть нормально, не пропадать же добру...

Лютостанский подждал Старыгина сразу за турникетом служебного входа.

– Как вы долго добирались! – обрушился он на реставратора. – Пойдемте же скорее!

– Куда?

– Да к вам же в кабинет! Я его туда уже отнес!

– Его? – переспросил заинтригованный Старыгин, едва поспевая за Александром Николаевичем. – О ком вы говорите?

– О Джузеппе Морозини, о ком же еще?

Ситуация начала хотя бы немного проясняться: речь шла о портрете венецианского адмирала работы Якопо Тинторетто. Непонятно было, что стряслось с этим портретом – но, судя по тому, как взволнован Лютостанский, стряслось что-то серьезное.

Они поднялись по лестнице, прошли полутемным коридором и оказались перед кабинетом Старыгина. Дмитрий Алексеевич машинально потянулся за ключом, но Лютостанский уже открыл дверь, пропустив реставратора вперед.

Кабинет Старыгина был просторным и хорошо освещенным – ведь Дмитрий Алексеевич использовал его и как реставрационную мастерскую. По стенам стояли застекленные шкафы

с художественными альбомами и монографиями, между ними висели старинные гравюры и картины. В углу стоял письменный стол – разумеется, итальянский, восемнадцатого века, середину помещения занимал большой рабочий стол с разложенными на нем инструментами.

И перед этим столом на мольберте находилась картина великого Тинторетто.

На темном холсте был изображен пожилой мужчина в сверкающих доспехах. Лицо его выражало силу воли и решительность, в глазах светился незаурядный ум.

Старыгин в который раз залюбовался шедевром Тинторетто. В этом портрете в полной мере проявился девиз художника, красовавшийся на стене его мастерской: «Рисунок Микеланджело, колорит Тициана». Действительно, каждая деталь портрета была прописана так тщательно и вместе с тем так легко и изящно, как мог бы сделать это только великий Микеланджело Буонарроти. Хотя колорит картины был несколько мрачнее и сдержаннее, чем у портретов Тициана, но это цветовое решение вполне соответствовало психологическому типу венецианского адмирала, его суровому и решительному лицу.

Еще двадцать лет назад портрет адмирала считался работой неизвестного художника венецианской школы, возможно, одного из учеников Тинторетто, но новейшие исследования однозначно доказали, что он принадлежит кисти самого мастера.

– Так что же с ним случилось? – спросил Старыгин, продолжая разглядывать картину.

– Разве вы не видите? – Лютостанский всплеснул руками. – Дмитрий Алексеевич, голубчик, я вас не узнаю!

И тут Старыгин увидел.

Адмиральский жезл, символ власти, который сжимал в руке Джузеппе Морозини, был покрыт кровью. Темная кровь была выписана столь же тщательно и умело, как все прочие детали портрета, она стекала с жезла крупными каплями, падала на ковер.

– Да что же это такое? – проговорил Старыгин удивленно. – Чья-то глупая шутка? Непохоже...

– Если это шутка – то страшная, кошмарная, безжалостная! – воскликнул Лютостанский и рассказал Старыгину о том, что произошло сегодня в одном из залов итальянской живописи, о найденном там трупе с пробитой головой.

– Чего же вы хотите от меня? – спросил Старыгин, на шаг отступив от картины и разглядывая ее с профессиональным интересом. – Вы же сказали, что этим делом занимается полиция.

– Ну да, ну да, конечно... полиция занимается убийством, это их забота, а вы, голубчик, займитесь картиной. Приведите ее в порядок, верните ее в исходное состояние. Ведь ей очень скоро придется ехать на родину...

– На родину? – Старыгин покосился на искусствоведа. – Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что через несколько дней мы отправляем эту картину в Венецию, в рамках культурного обмена. Одновременно к нам прибудет картина Карпаччо «Святой Виталий на коне», мы организуем выставку одной картины...

– Замечательная работа! – Старыгин вспомнил праздничное, радостное полотно Витторе Карпаччо, которое видел во время одной из поездок в Венецию.

– Еще бы, голубчик, еще бы! – Лютостанский выразительно поднял глаза к потолку. – Вы не представляете, каких трудов нам стоило договориться об этом обмене! И вот теперь это... – он обвиняющим жестом показал на портрет, как будто сам адмирал Морозини подвел его, обманул его надежды. – Так что, Дмитрий Алексеевич, голубчик, на вас вся надежда! Сделайте все, что возможно, чтобы картина приобрела прежний вид!

– Конечно... я не думаю, что это будет трудно... вы ведь говорите, что это случилось только сегодня утром, значит, краски еще не успели засохнуть...

С этими словами он достал из ящика стола старинную лупу, которую предпочитал многим современным приборам, снова приблизился к портрету и внимательно взгляделся в окровавленный жезл.

– Странно... – протянул он спустя несколько секунд. – Очень странно...

– Что странно? – переспросил Лютостанский.

– Вы уверены, что это случилось только сегодня?

– Ну да, сегодня утром.

– Непохоже. Краски не просто высохли – они высохли уже очень давно и даже немного растрескались от времени, как и должно быть, и покрыты лаком... и вообще, такое впечатление, что этим краскам столько же лет, сколько самой картине...

– Да что вы? Этого не может быть!

– Я сам понимаю, что не может, однако...

В это время в кармане у Лютостанского зазвонил мобильный телефон. Он достал его, послушал и быстро взглянул на Старыгина:

– Дмитрий Алексеевич, дорогой, вы тут пока разбирайтесь, что да как, а мне придется вас покинуть – начальство вызывает!

Закрыв дверь за Лютостанским, Старыгин перевел дыхание.

Он очень уважал Александра Николаевича, ценил его как блестящего специалиста, однако предпочитал работать в одиночестве. Реставрация – дело долгое, неспешное, она требует тишины и сосредоточенности, и присутствие другого человека, пусть даже настоящего профессионала, нежелательно.

Дмитрий Алексеевич снял пиджак, повесил его на спинку стула и надел старый, заляпаный краской халат. Переодевшись, он снова подошел к картине.

Начиналась его любимая часть работы – знакомство.

Хотя он не раз видел эту картину, но сейчас ему предстояло узнать ее по-настоящему, узнать, как узнают близкого человека.

Для начала он перевернул картину изнанкой к себе, чтобы осмотреть холст.

Холст был целый, без дефектов и повреждений. И он, несомненно, был старый – об этом говорил и характерный цвет волокон, и особое плетение, обычное для холстов шестнадцатого века. Если бы Старыгину пришлось оценить подлинность этого холста, он бы в ней почти не сомневался. Почти – потому что всегда возможны какие-то исключения, и для полной уверенности нужны лабораторные исследования.

Что ж, с холстом пока ясно...

Он перевернул картину лицом к себе – буквально лицом, встретившись взглядом с венецианским адмиралом.

Суровый, мрачный итальянец сверлил его взглядом, словно требовал ответа за какие-то прегрешения.

– Ну, уж я ничуть не виноват в том, что с вами случилось, господин адмирал! – пробормотал Старыгин – и тут же смутился: что это с ним? Никогда прежде он не разговаривал сам с собой! Что это – проявление возраста или издержки его профессии с долгими часами одинокой сосредоточенной работы?

Второй вариант его устраивал больше.

Оставив пока этот вопрос без ответа, Дмитрий Алексеевич начал разглядывать портрет миллиметр за миллиметром, мазок за мазком. Он как бы шаг за шагом повторял путь художника, создавшего этот шедевр, проходил этот путь по его стопам.

Старыгин не спешил перейти к той части картины, с которой ему предстояло работать, к окровавленному жезлу – реставрация не терпит суеты и спешки.

Прежде Дмитрию Алексеевичу не приходилось реставрировать картины Тинторетто, и он не был досконально знаком с его манерой письма, хотя, конечно, читал монографии, посвя-

щенные этой теме. Но теперь он впервые своими глазами увидел его технику – твердый, решительный мазок, тщательную проработку контура и редкую, скупую лессировку², смягчающую слишком яркие цвета и придающую работам Тинторетто их строгий, сдержанный колорит.

Наконец он дошел до адмиральского жезла.

И здесь его ждало неожиданное открытие.

Несмотря на первое впечатление, Старыгин не сомневался, что кровь на жезле адмирала написана гораздо позднее остальной картины. Собственно говоря, она должна была появиться только сегодня, потому что до этого дня картину видели тысячи людей и на жезле не было никаких признаков крови. Однако, разглядывая жезл через увеличительное стекло, Дмитрий Алексеевич не заметил никаких отличий от других участков картины.

Тот же самый мазок, такая же проработка контура, такая же скромная лессировка...

Складывалось впечатление, что этот участок картины написан тем же художником и в то же время, что и все остальные.

Но этого не может быть! Это невозможно! Еще накануне на жезле не было крови!

Дмитрий Алексеевич отложил лупу и строго уставился на картину, которая не хотела раскрывать ему свою тайну. Как заставить ее заговорить?

Как всякий профессионал, Старыгин в работе придерживался строгих, раз и навсегда установленных правил. Какую бы загадку ни загадывала ему картина – он и сегодня не собирался отступать от этих правил.

Пункт первый – внимательно осмотреть изнанку холста, чтобы определить его возраст и наличие повреждений.

Пункт второй – еще внимательнее разглядеть лицевую сторону, красочный слой.

Пункт третий – повторить исследование в ультрафиолетовом освещении, чтобы увидеть то, что картина скрывает от простого зрителя, то, что не видно при обычном свете.

Первые два пункта были выполнены – значит, нужно переходить к третьему.

Старыгин подкатил к портрету стойку с ультрафиолетовыми светильниками, погасил в мастерской верхний свет и включил специальные лампы.

Картина засветилась в темноте таинственным, загадочным, бледно-сиреневым сиянием. И в этом свете на ней там и тут проступили неровные, едва заметные пятна – следы случайных загрязнений, которые неизбежно появляются на любой картине за долгие годы и даже века ее существования, несмотря на самое бережное обращение.

Старыгин не обращал внимания на эти пятна – он искал что-то другое.

И нашел.

Примерно в середине картины, а точнее – именно в том месте, где находился окровавленный жезл адмирала, Дмитрий Алексеевич увидел, что сиреневое свечение складывается в буквы и цифры. Он схватил специальный фотоаппарат с повышенной светочувствительностью и сфотографировал эту надпись. Но потом, чтобы не терять время, просто записал ее при скудном бледно-сиреновом свете.

Затем он включил верхнее освещение и перечитал свою запись.

Она представляла собой две строчки. Верхняя – два слова, написанные латинским алфавитом: Secretum Secretorum.

Старыгин хорошо владел латынью, этого требовала его специальность, но не нужно было больших познаний, чтобы перевести эти два слова: «Тайная тайных» или «Тайна тайн».

Вторая строчка состояла из двух букв и нескольких цифр: Mf 26–17.

Чтобы понять смысл этой надписи, тоже не потребовалось больших познаний. Старыгин понял, что это ссылка на Евангелие от Матфея, стих 26–17.

² Лессировка – техника получения глубоких переливчатых цветов за счет нанесения полупрозрачных красок поверх основного цвета.

Тут же он бросился к книжному шкафу, где среди прочих жизненно важных книг стоял небольшой старинный томик Нового Завета. Перелистав книгу, Старыгин выяснил, что нужный ему фрагмент Евангелия от Матфея описывает Тайную вечерю, последнюю и важнейшую трапезу Христа с двенадцатью апостолами.

– Так... – проговорил Старыгин, переводя взгляд с книги на картину. – Спрашивается, при чем здесь Тайная вечеря?

Он снова поймал себя на том, что разговаривает сам с собой.

Нет, это нехорошо... ладно бы еще с котом, но с самим собой – это уже последнее дело!

Однако не нужно отвлекаться на психологию. Вопрос, который он задал самому себе, остается актуальным, задан он вслух или мысленно, – при чем здесь Тайная вечеря?

Старыгин был хорошо знаком с творчеством итальянских художников эпохи Возрождения, работы Тинторетто он тоже знал. Может быть, чуть хуже, чем его соотечественника и учителя Тициана, но все же вполне прилично. И он знал, что Тинторетто много раз обращался к теме Тайной вечери. Но каким образом этот библейский сюжет связан с портретом венецианского адмирала?

И самое главное – какое отношение к этому сюжету имеет кровь, неожиданно проступившая на адмиральском жезле?

Дмитрий Алексеевич вспомнил, что Лютостанский поставил перед ним совершенно конкретную задачу: привести картину в прежний вид, чтобы ее можно было отправить в Венецию. Он вовсе не обязан производить исследование картины, не обязан выяснять, что значит надпись, видимая только в ультрафиолетовом свете.

Правда, Лютостанский ничего не знал об этой загадочной надписи, но Старыгин не сомневался – даже если бы Александр Николаевич увидел эту надпись своими глазами, он остался бы при своем мнении: картину нужно отреставрировать, вернуть ей прежний облик, а все остальное – неважно.

Но сам Старыгин относился к этому иначе.

Перед ним была тайна, связанная с одним из величайших художников позднего Возрождения, – и он не мог пройти мимо этой тайны, не попытавшись ее раскрыть.

А в том, что за этой надписью скрыта какая-то тайна, Старыгин нисколько не сомневался: недаром на холсте написано *Secretum secretorum*!

Между тем в угловом помещении, где произошел из ряда вон выходящий случай, то есть в запертом зале обнаружили труп, события шли своим чередом. Елизавета Петровна в обмороке провалялась недолго, все же она была тезкой знаменитой императрицы, дочери Петра Первого, а у той, говорят, сила духа и закалка были что надо.

Итак, Елизавета Петровна очнулась быстро и осознала себя лежащей на полу перед портретом адмирала Морозини. Адмирал крепко сжимал свой жезл, с которого капала кровь, а посреди зала валялся посторонний мертвый мужчина.

Сказать по правде, Елизавета Петровна больше расстроилась из-за адмирала. Как-никак ей доверена была ценная картина, и теперь она не пропала (слава тебе, Господи!), но испорчена, так что с нее, Елизаветы Петровны, спросят по всей строгости.

А того типа, что лежит на полу, она первый раз видит. И, судя по всему, последний, учитывая его плачевное состояние.

Взглянув еще раз в глаза венецианскому адмиралу, Елизавета Петровна не нашла там понимания, а только прежнюю суровую непреклонность.

Кардинал, как всегда, искал ответы на все вопросы на небесах, монах хитро улыбался – дескать, я-то, может, и знаю, но не скажу.

Елизавета Петровна поняла, что искусство в данном случае ей не поможет и следует обратиться к людям. На этот счет имелась инструкция, которой нужно тщательно следовать.

Елизавета Петровна вздохнула и оглядела зал.

Пол был в кровавых пятнах. И стены кое-где тоже. Она посмотрела на свои руки и все поняла. Очевидно, когда плюхнулась на пол там, возле трупa, то без очков вляпалась в кровавую лужу. А потом наследила по всему залу.

Стыдно. Ну что ж, теперь она обязана сделать то, что предписывает ей инструкция.

Обойдя труп по широкой дуге, Елизавета Петровна подошла к двери, достала мобильный телефон и позвонила сначала главному хранителю отдела итальянской живописи Лютостанскому, затем в службу безопасности Эрмитажа. Не стала живописать подробности, но сказала, что дело очень серьезное и срочное, медлить никак нельзя.

Какая-то посетительница сунулась было в зал, но была остановлена Елизаветой Петровной.

– Зал закрыт, – твердо сказала она, – по техническим причинам.

Женщина взглянула на ее руки, ахнула и убежала.

Первыми успели парни из службы безопасности музея, затем прибежал Лютостанский.

– Елизавета Петровна, голубушка, – закудахтал он, – на вас лица нет! Как вы себя чувствуете?

Она закатила глаза и слабо махнула рукой в сторону картины, и Лютостанский тотчас забыл о ее существовании и мелкими шажками подбежал к портрету адмирала.

– Что это? Боже мой! – в голосе его был самый настоящий ужас.

На труп в центре зала Лютостанский не обратил ни малейшего внимания.

Парни из службы безопасности огородили труп лентой и перекрыли доступ в коридорчик перед угловым залом, чтобы никто из посторонних не болтался у двери.

Ждали полицию, а пока велели Елизавете Петровне никуда не уходить, даже в туалет не выпустили. Она кое-как обтерла руки влажной салфеткой и причесалась. Ужасно стыдно было сломанных очков, которые сидели наискось, от этого лицо Елизаветы Петровны имело странное выражение.

Перед самым приездом полиции Лютостанский, тихо посоветовавшись со старшим из службы безопасности, снял со стены портрет адмирала, отключив предварительно сигнализацию, завернул картину в мешковину и собственноручно унес куда-то, а Елизавете Петровне велел говорить, что так и было.

И теперь Елизавета Петровна, сидя в углу на стуле, смотрела, как суетятся в зале люди из полиции.

Точнее, они вовсе не суетились. Каждый занимался своим делом. Эксперты сосредоточенно колдовали над телом, то и дело щелкал фотоаппарат, кто-то бубнил тихим голосом в телефон, а к Елизавете Петровне подошла сутулая, скромно одетая женщина средних лет и представилась майором Ленской.

Елизавета Петровна едва скрыла удивление, поскольку уж на кого-кого, а на майора полиции женщина ну никак не походила. Одет плохо – свитерок старенький, юбка сзади провисла, волосы какого-то тускло-мышинного цвета стянуты в жидкий хвостик обычной аптечной резинкой. Шея замотана шерстяным шарфом, и голос хриплый.

Все ясно – простужена майорша, а на работу ходит. Какое уж ей расследование, ей бы закутаться да лежать, чай пить с малиновым вареньем, а она вот явилась людей заражать.

Как нетрудно заметить, майор Ленская на первый взгляд не вызвала у людей ни симпатии, ни интереса, ни сочувствия. Справедливости ради следует сказать, что это не входило в ее задачу.

Елизавета Петровна взглянула на майора Ленскую не слишком приветливо, та оглянулась, и тотчас молодой парень с рысьими глазами и быстрыми повадками материализовался рядом со стулом.

– Присаживайтесь, Александра Павловна, так будет удобнее! – сказал он, заботливо подставляя стул.

Ленская кивнула и достала из объемистой сумки потертый блокнот с вываливающимися листами. Открыв блокнот на чистой странице, она начала опрос свидетеля.

Быстро проскочили паспортные данные и перешли к важному – как Елизавета Петровна замерзла и решила выпить чаю.

– Да, у вас тут сквозняки, – Ленская зябко поежилась, – непонятно, откуда дует. Вроде бы зал угловой. Кстати, вы уверены, что, когда уходили, заперли дверь?

– Уверена, – твердо сказала Елизавета Петровна.

Ленская посмотрела ей в глаза. У нее самой глаза были под очками красные, воспаленные. Ну, так и есть, вирусная инфекция. Елизавета Петровна с трудом удержалась, чтобы не вскочить и не отбежать от заразной майорши подальше. Разумеется, она так не сделала, но все обуревавшие ее чувства вложила в свой ответный взгляд.

Майор Ленская едва заметно усмехнулась и вопросов про запертую дверь больше не задавала. Зато задала множество других.

Знаком ли ей человек, лежащий на полу? Был ли он еще жив, когда Елизавета Петровна вернулась в зал? Прикасалась ли она к телу? Много ли было с утра посетителей в зале? И не было ли среди них этого, ныне покойного?

Елизавета Петровна отвечала, что человека этого в жизни не видела, что не переворачивала тело, но, судя по неподвижному положению, он был уже мертв, когда она пришла. Она от неожиданности упала и потеряла очки, а когда искала их, сослепу вляпалась в лужу крови.

– Вот откуда рядом с телом мелкие стекла, – кивнула Ленская, и Елизавете Петровне снова стало стыдно за разбитые очки.

Майорша зябко поежилась, поплотнее укуталась в шарф и продолжала сиплым голосом:

– Не могли бы вы подробнее показать, как двигались, после того как увидели тело?

При этом она очень выразительно смотрела на кровавые следы на полу и на стене.

Елизавета Петровна призналась, что ноги ее не держали и для того, чтобы встать, пришлось ползти на четвереньках к стене.

– А вот кстати... – Ленская попыталась вскочить со стула, но споткнулась, скривилась от боли и похромала к той стене, где висели раньше три портрета.

Елизавета Петровна наблюдала за ней с необъяснимым злорадством.

– Вот кстати, – Ленская незаметно потерла одну ногу о другую, – здесь ведь была еще картина, где она сейчас?

– Спросите господина Лютостанского, – буркнула Елизавета Петровна, – он ее унес.

Ей все надоело, хотелось домой – принять горячую ванну и выпить чаю с медом. Всего того, что случилось утром, слишком много для пожилого, не очень здорового человека.

И еще не хватало врать полиции про портрет адмирала. Да она и так у них на подозрении. Говорят же: кто труп нашел – тот и первый подозреваемый. Пускай Лютостанский сам с ними разбирается. Это по его части.

– Зачем? – прищурилась Ленская. – Зачем он унес картину?

– Не знаю, – отмахнулась Елизавета Петровна, – кажется, на реставрацию.

Она ожидала еще вопросов, но Ленская неожиданно улыбнулась, так что даже помолдела.

– На реставрацию? Не Старыгину ли? – и глаза ее блеснули.

– Не знаю, – окончательно рассердилась Елизавета Петровна, – и могу я наконец быть свободной? Хоть руки вымыть...

Казалось бы, профессия реставратора – одна из самых уважаемых и серьезных, не подразумевающая никаких авантюр и опасных приключений. Большинство реставраторов

проводят свою жизнь за скрупулезной, неспешной работой, мазок за мазком восстанавливая старинные шедевры и отвлекаясь от них только для того, чтобы посетить какой-нибудь музей или библиотеку или же для консультации со своими коллегами.

Но Дмитрий Старыгин отличался от этого здравомыслящего большинства. Должно быть, в его роду были искатели приключений, конкистадоры, флибустьеры и путешественники.

Во всяком случае, в его душе таилась страсть к тайнам и загадкам, и он не мог удержаться, если на его пути возникал хотя бы бледный призрак какого-нибудь средневекового секрета. Он тут же очертя голову бросался на поиски его разгадки, не останавливаясь перед опасностями и трудностями этого пути.

Но как бы то ни было, какие бы тайны ни скрывала эта картина, Старыгин, как настоящий профессионал, должен был продолжать работу, не отступая от обычного протокола.

Пункт третий исполнен – он рассмотрел картину в ультрафиолетовом освещении. Следующий пункт – лабораторное исследование красок и холста...

Дмитрий Алексеевич соскреб крошечный комочек краски с края картины, затем не удержался и взял еще один образец – кусочек красной краски с окровавленного адмиральского жезла. Он поместил оба образца в специальные контейнеры, использующиеся при спектральном анализе. Затем он отрезал крошечный кусочек холста с самого края картины, с той ее части, которая была завернута за подрамник. Он сжег этот кусочек на спиртовке и поместил пепел в третий контейнер.

С тремя контейнерами в руках Старыгин пошел к двери, но на полпути спохватился, вернулся к столу, выдвинул ящик и достал из него какую-то цветную бумажку. Затем он вышел из своего кабинета, запер дверь на три оборота ключа и спустился по лестнице в подвал, где располагалась техническая лаборатория Эрмитажа.

Остановившись перед металлической дверью, Дмитрий Алексеевич нажал на кнопку звонка. Ничего не произошло. Старыгин немного подождал, а потом постучал в дверь – сначала деликатно, костяшками пальцев, а потом кулаком.

На этот раз за дверью послышались шаги, и она открылась.

На пороге стоял маленький человечек с жидкой бородкой, в круглых металлических очках и с круглой лысиной, чем-то похожий на одного из гномов из мультфильма про Белоснежку. Это был Константин – заведующий лабораторией.

– Ну что стучите, что стучите! – проворчал он недовольно. – Сказано же – соблюдайте тишину!

– Я сначала звонил, – миролюбиво ответил Старыгин. – Вы не открывали.

– А звонок у меня не работает.

– Тогда в чем вопрос? – Старыгин протиснулся в дверь и оказался в большом полутемном помещении с низким сводчатым потолком. – Короче, мне нужно провести спектральный анализ вот этих трех образцов. И как можно скорее.

– Оставьте, – проворчал Константин и показал на столик, где стояло десятка полтора таких же контейнеров.

– Мне нужно получить их как можно скорее! – повторил Дмитрий Алексеевич.

– Я сказал – оставьте.

– И когда будет готов ответ?

– Ну... – гном задумался, – сегодня у нас четверг... пятница, сами понимаете, не самый удачный день, потом выходные... ну, в общем, на следующей неделе заходите.

– На следующей неделе?! – ахнул Старыгин. – Нет, это никуда не годится! Меня Люто-станский съест с потрохами!

– А что я могу сделать? У меня знаете сколько заявок! – И он снова показал на столик с образцами.

– А вы видели вот это? – Дмитрий Алексеевич достал из кармана цветную бумажку, которую прихватил в своем кабинете.

Глаза Константина вспыхнули, как габаритные огни тормозящей машины.

– Что это? – проговорил он, не отрывая глаз от бумажки.

– Этикетка от гватемальского пива «Лос Вальехос»!

– Гватемальского! – Константин потянулся за этикеткой. – Такого у меня нет!

– Спектральный анализ! – отчеканил Старыгин, пряча этикетку обратно в карман. – Три образца!

– Может быть, завтра?

– Вы же сами сказали – завтра пятница! Мне эти образцы нужны сейчас же!

– Но это шантаж...

– Конечно!

– Ладно, – Константин тяжело вздохнул, – так и быть, давайте свои образцы!

Он взял у Старыгина контейнеры и поплелся в дальний угол лаборатории, где стоял портативный спектрометр.

Несмотря на прилагательное «портативный», это был довольно громоздкий прибор, занимавший целый угол лаборатории. И довольно дорогой – сотрудникам Эрмитажа в свое время стоило немало труда убедить руководство, что этот прибор действительно необходим для качественного и оперативного выполнения экспертизы произведений искусства.

Константин включил прибор, подключил его к компьютеру и запустил программу, которая сравнивала спектры образцов с компьютерной базой эталонных значений.

Программа заработала, и прошло всего несколько минут, прежде чем она выдала ответ.

Судя по спектральному анализу красок, все они были изготовлены в середине шестнадцатого века, то есть именно в то время, когда в Венеции жил и работал Якопо Тинторетто. Более того – эти краски по своему химическому составу соответствовали именно тем краскам, которые использовал великий венецианец.

Это касалось как образца, взятого с края картины, так и того, который Старыгин соскреб с окровавленного жезла.

Константин повторил процедуру с пеплом от сожженного холста. Результат был такой же – холсту было около пятисот лет, и он соответствовал по составу тканям, производившимся в Венеции в шестнадцатом веке.

– Ну вот, все готово! – Лаборант протянул Старыгину распечатку и выжидательно заглянул в его глаза.

– Уговор дороже денег! – Дмитрий Алексеевич отдал ему этикетку и покинул лабораторию.

Вернувшись в свой кабинет, он еще раз перечитал распечатку с результатами спектрального анализа.

Они были однозначны – и краски, и холст соответствовали подлинным, тем, которые использовал великий Якопо Тинторетто. Причем краски, которыми была написана кровь на жезле, не отличались от остальных.

Но как это может быть?

Ведь портрет адмирала Морозини уже почти девяносто лет находится в коллекции Эрмитажа, куда он поступил из частной коллекции, он многократно воспроизводился в альбомах и монографиях – и на нем никогда не было крови!

Однако против науки не попрешь. Точный прибор не может ошибаться.

Старыгин встал из-за стола, вышел на середину кабинета и остановился перед картиной, глядя в глаза старого адмирала.

– Ну и что же это значит? – проговорил он вслух. – Какую тайну вы скрываете от меня, ваше превосходительство? Или как вас полагалось называть?

Дверь за его спиной негромко скрипнула, и раздался голос Лютостанского:

– С кем вы разговариваете, Дмитрий Алексеевич? Вы не один?

Старыгин обернулся и смущенно проговорил:

– Да нет, это я сам с собой...

– Вот к чему приводит одиночество! – с мягким укором произнес Александр Николаевич. – Разговаривать с собой – это последнее дело! Жениться вам нужно! Давно пора!

– Жениться? Мне? – фыркнул Старыгин. – Еще чего?

– Но я не для того пришел, чтобы цитировать Пушкина или обсуждать вашу личную жизнь! – спохватился Лютостанский. – Как, вам удалось что-нибудь узнать? Сколько времени вам понадобится на реставрацию картины? Дня за три управитесь?

– Вы понимаете, Александр Николаевич... – протянул Старыгин смущенно, – дело в том, что реставрировать здесь нечего.

– То есть как – нечего? – Лютостанский повернулся к злополучному портрету. – Нужно убрать эту чертову кровь... извините за грубость, нужно вернуть картине ее первозданный облик...

– А это и есть ее первозданный облик, – перебил Лютостанского Дмитрий Алексеевич.

– Что вы такое говорите? – Искусствовед захлопал глазами. – Но эта кровь...

– Эта кровь написана теми же самыми красками и тем же художником, что и вся остальная картина. И тогда же – в середине шестнадцатого века.

– Да бросьте, Дмитрий Алексеевич! Вы же сами понимаете – этого не может быть!

– Понимаю, – вздохнул Старыгин, – понимаю, но ничего не могу поделать. Об этом говорит и характер письма, и спектральный анализ материалов.

– Что, вы уже успели провести спектральный анализ? – недоверчиво переспросил Лютостанский.

– Да, вот, пожалуйста, результаты! – Старыгин показал искусствоведу компьютерную распечатку.

– Как это вам удалось уговорить Константина?... – проворчал Лютостанский, разглядывая распечатку.

– Ну, есть у меня свои маленькие секреты! К любому человеку можно найти подход!

– Ну, надо же... – Александр Николаевич просмотрел распечатку и поднял на Старыгина изумленный взгляд. – Но этого же не может быть! Это невозможно!

– Невозможно. – Старыгин развел руками. – Невозможно, но факт! Как говорил Козьма Прутков, если на клетке слона ты видишь надпись «буйвол», не верь глазам своим!

– Вам бы все шутить... но как вы это можете объяснить?

– Пока никак... но поскольку в чудеса мы с вами не верим – ведь не верим же? – я могу предположить только одно разумное объяснение. Существует не один, а два портрета адмирала Морозини кисти Тинторетто, и кто-то заменил один портрет другим.

– Но это тоже невозможно! – воскликнул Лютостанский, взмахнув руками. – Для этого этот кто-то должен был пронести второй портрет в Эрмитаж и вынести из музея первый...

– Или спрятать его где-то внутри. Эрмитаж большой, в нем многое можно спрятать. Но, впрочем, я не настаиваю на своей версии. Я просто гадаю...

– Мы с вами здесь не для того, чтобы гадать! – строго проговорил Александр Николаевич. – И если честно, меня больше волнует даже не то, как подменили портрет, а что же нам теперь делать. Картина через три дня должна лететь в Венецию...

– И чего же вы от меня хотите? – спросил Старыгин, расслышав в голосе Лютостанского робкие, умоляющие нотки. – Я же не могу сотворить чудо!

– Дмитрий Алексеевич, голубчик, вы же талантливый человек, вы же можете как-нибудь записать эту кровь? Привести картину в первозданное состояние?

– Александр Николаевич! – возмутился Старыгин. – Что вы такое говорите? Я же только что показал вам результаты анализа! Это и есть первозданное состояние картины! Тинторетто именно так задумал и написал портрет адмирала Морозини! И я не могу, не имею морального права искажать его замысел! Я не могу портить картину великого художника! Я этого себе никогда не простил бы!

Лютостанский растерянно молчал, и тогда Старыгин добавил еще один аргумент:

– Вы же знаете, что перед отправкой картину обследуют независимые эксперты, назначенные страховой компанией. Они, несомненно, заметят мою самодеятельность и поймут, что картина переписана только что. Как мы это будем объяснять?

– Ох, Дмитрий Алексеевич! – Лютостанский покаянно опустил голову. – Простите старика! Сам не знаю, что на меня нашло. Как я мог вам такое предложить...

– От безысходности! – подсказал Старыгин.

– Вот именно, от безысходности! Я просто не представляю, что нам делать! Все документы уже подписаны, все договоренности достигнуты, причем на самом высоком уровне... нет, менять что-либо уже поздно! Невозможно!

Лютостанский принялся нервно ходить по кабинету, что-то неразборчиво бормоча себе под нос. Наконец он остановился и повернулся к Старыгину:

– Выхода нет. Придется отправлять картину в Венецию в таком виде. Но вот что, Дмитрий Алексеевич. Вы полетите с ней.

– В Венецию? – переспросил Старыгин.

– Ну да, в Венецию! Куда же еще? Между прочим, не самое худшее место на свете!

– Венеция прекрасна, – кивнул Старыгин, – но как же...

– И не возражайте! У вас ведь открыта шенгенская виза?

– Открыта, но...

– И итальянский язык вы знаете превосходно...

– Но у меня здесь много дел...

– А все остальные дела подождут! В общем, решено – вы едете с картиной в Венецию. Собирайтесь...

– Руки! – рывкнул мастер Якопо. – Сколько раз я тебе говорил, остолоп, – руки!

– Что не так с этими руками, учитель? – Джакомо, новый ученик, на Троицу пришедший из Падуи, смотрел исподлобья, дерзко смотрел, не так, как подобает ученику. Но мастер Якопо вдруг смягчился. Он сам был когда-то таким же – дерзил своему великому учителю Тициану, не слушал его советы.

– Они вялые! – Мастер Якопо отобрал у ученика кисть и двумя сильными мазками поправил руки святого Луки, над которым работал ученик. – Сколько раз я тебе говорил – руки передают характер человека даже больше, чем лицо! Поэтому уделяй им больше внимания. Видишь, что написано там? – он показал толстым пальцем, измазанным краской, на выписанный над камином девиз: «Рисунок как у Микеланджело, колорит как у Тициана». – Это не пустые слова! Если ты хочешь работать в моей мастерской, старайся соответствовать этому девизу! Работай над рисунком, работай над колоритом!

– Я стараюсь, учитель!

В это время к мастеру Якопо подошла хромоногая служанка Лючия.

– Господин, там к вам пришел какой-то человек.

– Что еще за человек? – Мастер недовольно отвернулся от неоконченной картины. – Ты же знаешь, что меня нельзя беспокоить во время работы!

– Но он очень настаивает... он сказал, что его прислал господин граф Фоскари.

– Фоскари? – Мастер Якопо нахмурился. – Ладно, я поговорю с ним.

Он вышел из мастерской, остановился на пороге прихожей, увидел невысокого белобры-
сого слугу, который с любопытством оглядывался по сторонам.

– Тебя правда прислал граф Фоскари? – осведомился мастер.

– Он самый. – Посланец горделиво вскинул голову, как будто родовитость и влияние
его господина переишли отчасти и на него. – Меня послал его сиятельство граф. Только
об этом никому не следует говорить.

– Коли так, ты сам меньше об этом болтай.

– А я и не болтаю... я сказал только вашей служанке, а больше ни одной живой душе.

– С таким же успехом ты мог написать об этом на стене рыбного рынка. Ладно, говори,
что угодно твоему господину.

Посланец снова приосанился и проговорил с самым важным видом:

– Его сиятельство граф просил вас незамедлительно прийти в его дворец.

– Так уж и незамедлительно!

– Так они велели передать вашей милости.

– Ладно, считай, что ты все мне передал.

Посланец явно не спешил уходить. Прочитав немудреное выражение его лица, мастер
Якопо полез в кошель, выудил там мелкую монету и вложил в руку посыльного:

– Вот тебе за труды.

Тот потер монету между пальцами, скривил недовольную физиономию, однако не
посмел громко выразить свое разочарование. Проговорив «премного благодарен», он покинул
дом мастера.

Сам же господин Якопо, не слишком торопясь, но и не медля, умылся, надел свой самый
приличный камзол и отправился во дворец графа Фоскари.

Граф этот принадлежал к самым сливкам венецианской аристократии. Многие поколе-
ния его предков были записаны в Золотую Книгу Светлейшей республики, многие из них засе-
дали в Большом Совете Венеции. Не раз он заказывал мастеру Якопо работы – картины на
темы Священного Писания для церкви, прихожанином которой был граф, и портреты членов
своей семьи. Так что пренебрегать приглашением такого человека не следовало.

Мастер вышел на улицу и направился в сторону церкви Санта-Мария-Формоза, откуда
было рукой подать до графского дворца. Однако, переходя по мостику через очередной канал,
мастер Якопо заметил, что за ним едва ли не по пятам следует какой-то человек в злоеющей
маске Чумного Доктора.

Хотя до большого карнавала было еще далеко, вокруг было немало людей в масках.
Законы республики этого не запрещали, и многие горожане не снимали масок целыми днями,
что давало им ощущение свободы и независимости. Однако редко кто выбирал ту маску,
которую избрал привязчивый незнакомец.

Это могло быть случайностью, и мастер Якопо, чтобы проверить свои подозрения,
свернул после моста в узкий переулок, где едва могли разойтись двое прохожих. Пройдя по
этому переулку пару кварталов, он как бы невзначай оглянулся.

Чумной Доктор следовал за ним на изрядном расстоянии.

Мастер вспомнил, что граф Фоскари просил сохранить его визит в тайне, и решил при-
нять кое-какие меры. Выйдя на берег канала, он увидел свободную гондолу и помахал лодоч-
нику. Тот пристал к берегу, мастер Якопо запрыгнул в лодку и велел править к Большому
каналу.

Обернувшись, он увидел, что Чумной Доктор безуспешно высматривает другую гондолу.
Мастер усмехнулся: пока этот соглядатай найдет гондолу, он будет уже далеко.

Когда гондола вышла в Большой канал, мастер велел лодочнику плыть к дворцу графа
Фоскари.

Когда гондола подплыла к самому дворцу и ткнулась в причал, на причале появился рослый молодчик, одетый в камзол графских цветов – синего с серебром.

– Кто такой? – спросил он, нагло уставившись на мастера Якопо.

Мастер преодолел раздражение от его наглости и представился:

– Якопо Робусти, живописец, по приглашению господина графа.

– Якопо Робусти? – переспросил привратник. – Никогда не слышал о таком!

– Может, ты слышал о Тинторетто?

Мастер Якопо не любил своего прозвища – Тинторетто, сын красильщика. Но именно под этим именем его знали в Венеции, именно этим именем за спиной называли его коллеги-живописцы и даже собственные ученики.

– Тинторетто? – насмешливо переспросил привратник. – Как же, как же! Господин граф и правда говорил, что ждет в гости сына красильщика! Проходи, Тинторетто! – и он отступил в сторону, давая мастеру возможность перейти на причал. – Пройди через холл, – показал он на распахнутую дверь, – поднимайся по этой лестнице и иди налево по коридору.

Мастер Якопо сдержанным кивком поблагодарил наглеца и вошел во дворец.

Как и в большинстве венецианских палаццо, первый этаж дворца Фоскари был нежилым. Во время подъема воды его заливали тусклые воды лагуны, да и сейчас под ногами тут и там темнели лужи, а по стенам расползались неровные пятна плесени. Однако в этом была какая-то своеобразная красота, и мастер Якопо на мгновение задержался, оглядывая просторное полутемное помещение.

В последнее время он находил необычную прелесть в таких мрачных, плохо освещенных комнатах и часто писал их, стараясь передать сложный, напряженный колорит.

Тут же он напомнил себе собственный девиз: рисунок как у Микеланджело, колорит как у Тициана...

Но его великий учитель Тициан любил яркие, интенсивные цвета, хорошее освещение, которое позволяло выявить и раскрыть всю красоту предметов и человеческих лиц...

Мастер Якопо подошел к основанию широкой мраморной лестницы и решил позднее подумать о парадоксе освещения.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он повернул налево, как велел ему наглый привратник, прошел по коридору и оказался перед неплотно закрытой дверью, из-под которой пробивался неровный, колеблющийся свет. Прежде чем открыть эту дверь, он заглянул в проем, чтобы убедиться, что пришел куда надо.

За дверью находилась довольно большая, скудно освещенная комната с висящими по стенам ткаными коврами, узоры которых терялись в полутьме. Посреди комнаты, немного наискосок, стоял длинный стол, заставленный полупустыми блюдами и кувшинами с вином. Трапеза, судя по всему, подходила к концу, и люди за столом были заняты каким-то важным разговором.

Внезапно мастер Якопо понял, что напоминает ему эта картина.

Тайная вечеря!

Так же, как во время последней трапезы Иисуса с учениками, за столом было тринадцать человек, среди которых ни одной женщины. Так же, как во время той великой и трагической трапезы, один из присутствующих выделялся среди прочих, словно отмеченный печалью избранничества и роковой, неотвратимой судьбы. Это был мужчина примерно сорока лет с красивым лицом, которое немного портил шрам на левой щеке. И на этого человека падал свет от укрепленного на стене канделябра, создавая вокруг его головы сияющий нимб.

«Словно Иисус на Тайной вечере...» – подумал невольно живописец.

По левую руку от человека со шрамом, там, где в сцене Тайной вечери обычно помещают Иуду, сидел пожилой мужчина с решительным и властным лицом, в богато расшитом камзоле лилового бархата, украшенном шелковой перевязью.

Мастер Якопо невольно залюбовался открывшейся перед ним картиной.

Ему захотелось написать ее.

Вот так, подумал он, именно так он напишет Тайную вечерю, которую заказал ему тот молодой каноник, что приходил на днях в мастерскую...

Один из сотрапезников повернул голову к двери и настороженно проговорил:

– Кто там?

Мастер Якопо смущенно закашлялся, открыл дверь и вошел в трапезную. У него было такое чувство, будто его застали за каким-то недостойным поступком.

– Кто ты? – раздраженно проговорил тот же человек, поднимаясь из-за стола.

– Якопо Робусти, живописец, – представился мастер и добавил, чтобы избежать лишних вопросов: – Многие называют меня сыном красильщика, Тинторетто.

– Ах да, ах да! – Господин заметно успокоился и насмешливо оглядел своих друзей. – Не беспокойтесь, господа, это тот славный живописец, о котором я вам говорил. Если вы не возражаете, я переговорю с ним в соседней комнате.

Господин – теперь мастер Якопо признал в нем хозяина палат, графа Фоскари – подошел к двери, положил руку на плечо живописцу и вышел с ним в коридор. Пройдя до соседней двери, он открыл ее и вместе с мастером Якопо вошел в комнату.

Это была библиотека – вдоль стен стояли высокие резные шкафы с массивными фоллиантами в кожаных переплетах, несколько открытых книг лежали на низких столах. В простенках между этими шкафами висели географические карты и гравюры с изображениями морских сражений. В большом, отделанном мрамором камине догорали сосновые поленья, над этим камином висел портрет хозяина дома в сверкающих доспехах. Мастер Якопо ревниво отметил, что портрет этот весьма неплох, и подумал, чьей кисти он принадлежит.

– Благополучно ли вы добрались до моего дворца? – осведомился граф, закрыв за собой дверь библиотеки.

Мастер Якопо немало удивился такой заботе: редко ему приходилось видеть ее от аристократов. Впрочем, граф тут же рассеял его заблуждение:

– Я имею в виду – не заметили ли вы за собой слежки?

– Слежки? – переспросил живописец. – Что ж, если ваша светлость спрашивает... мне и правда показалось, что поначалу за мной шел какой-то подозрительный человек. Я взял гондолу возле моста Мясников и оторвался от него. Другой гондолы там не было, так что тот человек отстал. Большие я его не видел.

Видно было, что слова живописца взволновали графа.

– Что это был за человек? – спросил он, сцепив руки. – Как он выглядел? Как был одет?

– Я не смог его как следует разглядеть. На нем была маска, ваша светлость. Маска Чумного Доктора.

– Сбир! – выпалил граф и нервно заходил по комнате. – Несомненно, это был сбир...

Мастер Якопо с трудом сдержал удивление. Неужели даже такой богатый и влиятельный человек, как граф Фоскари, боится сбир, тайных агентов, служащих таинственному и всемогущему Совету Десяти и трем государственным инквизиторам?

Граф остановился, хотел что-то сказать, но в это время в дверь библиотеки постучали.

– Кто здесь? – Граф шагнул к двери. – Я же, кажется, просил мне не мешать...

Майор полиции Александра Павловна Ленская была женщиной удивительно болезненной. Причем болезни ее были не то чтобы несерьезные, но какие-то мелкие и незначительные. То есть какая-нибудь сенная лихорадка или нервная почесуха способны достаточно качественно испортить человеку жизнь, а у окружающих вызовут только раздражение или насмешки.

Болезни преследовали Ленскую всегда, в любое время года.

Осенью ее настигали простуды. Собственно, ничего в этом нет странного и необычного, ибо осенью в петербургском промозглом климате болеют все, от малых детей до глубоких стариков, так что, перефразируя великого поэта Пушкина, можно утверждать, что простуде все возрасты покорны.

Нет, Ленская не маялась ночью в жестоком жару на простынях, мокрых от пота. И вызванная «неотложка» не колола ей антибиотики, поскольку проглотить таблетки не было никакой возможности, до того распухало горло. И двусторонняя пневмония, к счастью, обходила Александру Павловну стороной.

Зато как только начинались в Петербурге затяжные дожди и стоило Ленской вдохнуть сырой промозглый воздух или расстегнуть пальто в маршрутке, а после выскочить в таком виде, то простуда тотчас пробиралась внутрь и расцветала там махровым цветом. Горло першило, нос закладывало так сильно, что он казался зацементированным навеки, виски ломило, и на плечах вместо головы по ощущениям находился старый чугунный котел.

Такое безобразие тянулось долго, несколько недель, а когда Ленской с трудом удавалось выздороветь, тотчас накатывал кашель – сухой, мерзкий, от которого невозможно спать по ночам.

Зимой к простудам добавлялись застарелый радикулит, боли в суставах и отложение солей в левой пятке, а также раздражение на коже от шерстяных платков и свитеров. Носить что-либо другое опять-таки было невозможно, поскольку кожа от синтетики переставала дышать и покрывалась сыпью.

Весной на смену простудам приходила аллергия. Аллергия у Ленской была на все, что угодно, – на застарелую пыль, на бытовую химию и на желтые цветы, которых весной, как известно, очень много – от мимозы и одуванчиков до сурепки и желтых нарциссов. От одного вида этих цветочков Ленская начинала безудержно чихать, нос у нее мгновенно распухал, из него постоянно текло.

Кроме аллергии, летом Александру Павловну мучила еще крапивница от клубники.

Незачем говорить, что клубнику Ленская не ела вовсе. Но это ничего не значит, ей достаточно было пройти мимо лотков у метро, заполненных сезонной ягодой, как руки, плечи и область декольте покрывались волдырями, которые неудержимо чесались. На ногах же выступала крапивница от газонной травы, так что все лето приходилось ходить в брюках.

И наконец, осенью вновь выходила на первый план простуда.

А были ведь еще головная и зубная боль, застуженная шея, так что приходилось, как поется в старой песне, «смотреть искоса, низко голову наклоня», а также всяческие мелкие разовые неприятности типа ячменя в глазу или нарыва на пальце.

Итак, болезни терзали майора Ленскую с завидным постоянством, но только, если можно так выразиться, в нерабочее время. Потому что как только она погружалась в очередное расследование, все болезни тотчас отступали, Ленская не то чтобы про них забывала, но держала в узде. И перед коллегами по работе, свидетелями и подозреваемыми в очередном убийстве представляла не унылая, замученная жизнью тетка с неустроенной судьбой, а умная, решительная и жесткая личность.

Своими вечно воспаленными глазами она мигмом охватывала место происшествия и замечала всевозможные мелочи, на которые обычный человек и внимания не обратит. И тут же анализировала свои наблюдения со скоростью самого быстродействующего компьютера. И делала правильные выводы, поскольку обладала поразительным чутьем, позволяющим отделить нужные улики от постороннего хлама и нужных свидетелей от случайных зевак.

Этих самых свидетелей Ленская умела выпотрошить на допросах, как рыбу на заливное, так что человек вспоминал то, о чем и понятия не имел раньше. Преступник, встретившись с Ленской на допросе один на один, не имел никаких шансов.

Разумеется, сначала его нужно было поймать. Тут майор Ленская тоже была на высоте. Взяв след, она шла по нему, никуда не сворачивая, как самая лучшая ищейка.

Подчиненные ее боготворили, коллеги почти всегда признавали ее правоту, начальство ценило, но по-своему, то есть старалось спихнуть на группу Ленской самые безнадежные дела. Начальство Ленская никогда не подводила, если бывали у нее изредка проколы, то знала о них только она сама.

Разумеется, были у нее и завистники в Управлении, эти самые злые языки и прозвали Ленскую Чумой. Дескать, если уж ведет свое расследование, то надвигается неотвратно и спасения от нее нету.

Узнав, что в Эрмитаже произошло убийство, начальство распорядилось определить на это дело майора Ленскую, несмотря на то что числилось за ней штук пять неотложных дел.

– Ты, Александра, – напутствовал ее начальник, – женщина у нас культурная, образованная, в университетах обучалась, умеешь с этими, из Эрмитажа, на их языке разговаривать. А то они как начнут про искусство выражаться, так простому человеку с непривычки плохо станет. А тебе все нипочем, ты им в том же духе запросто ответить сможешь. На равных с ними, в общем, разговариваешь, так что за Управление наше не стыдно будет.

Ленская взглянула на начальника с легким подозрением: шутит он, что ли? И столкнулась с его хитроватым взглядом.

Она твердо знала, что начальник – человек простой, но далеко не дурак. И чует он, видно, что в этом деле не все гладко и будут с ним большие проблемы и сложности, оттого и хочет спихнуть его майору Ленской.

На всякий случай она бросила пробный камешек – дескать, дел у нее и без того очень много, зашиваются они, куда еще эрмитажное убийство. Начальник тут же сурово нахмурился и буркнул, что это – приказ, а приказы, как известно, не обсуждаются. Ленская успела только выцыганить у него распоряжение, чтобы все службы выполняли ее запросы в первую очередь.

Разумеется, интуиция Ленскую не подвела, и с делом сразу же начались сложности.

Свидетельница – дежурная в угловом зале – оказалась женщиной вполне вменяемой. Уже одно то, что, обнаружив труп в запертом помещении, она не выбежала с воплями в коридор и не стала носиться по всему музею, пугая посетителей диким выражением лица и окровавленными руками, характеризует ее весьма положительно.

Однако ничего существенного свидетельница пока не сказала. Убитого она раньше в глаза не видела, он не отирался в зале с подозрительным видом, не приставал к ней с неуместными вопросами, не торчал подолгу возле картин. Спрятаться он не мог – в этом помещении спрятаться просто негде. Угловой зал небольшой, на стенах только картины да у стены один стул.

Эксперты обследовали замок на двери. Замок как замок, старый, конечно, а значит – надежный, но, имея соответствующую отмычку, открыть его можно без особого труда.

Значит, убитый открыл дверь и вошел, а потом за ним вошел убийца, стукнул его по голове чем-то тяжелым и вышел. Или они вошли вместе, а потом разошлись прямо в зале. Но зачем они вошли? С какой целью? Похитить картину? Которую? Вот, кстати, нужно выяснить, для чего унесли портрет этого... как его... Ленская прочитала на табличке, что осталась внизу: «Якопо Тинторетто. Портрет адмирала Джузеппе Морозини».

Но это потом, а пока эксперты занимались трупом. Мужчина средних лет, одет просто и как-то старомодно, определила Ленская. Трудность заключалась в том, что в карманах у трупа не нашли ничего. Вообще ничего. Ни бумажника с деньгами и кредитными картами, ни ключей от машины или квартиры, ни паспорта, ни водительских прав, да что там, ни одной самой завалящей бумажки типа счета из ресторана или использованного автобусного билета.

Кстати, билета в Эрмитаж тоже в карманах не было. Это говорило о том, что тело тщательно обыскали. И унесли все, что могло бы хоть как-то идентифицировать покойника.

Эксперты взяли, конечно, отпечатки пальцев, но интуиция говорила Ленской, что ничего эти отпечатки им не дадут, что мужчина явно не привлекался раньше к уголовной ответственности, не нарушал закона и отпечатков его в полицейской базе данных не будет. В противном случае было бы все слишком просто. А что в этом деле все непросто, Ленская поняла сразу.

– Камеры, – обронила она, убедившись, что в карманах убитого ничего не нашли.

– Уже, – откликнулся ее подчиненный – молодой парень с рысьими глазами и такими быстрыми движениями, что иногда у Ленской рябило в глазах. Без очков видела Ленская неважно, что касается линз, то от них пришлось отказаться, поскольку глаза тотчас начинали невыносимо чесаться и болеть.

С камерами дело обстояло не очень хорошо. На входе в музей неизвестный мужчина был обнаружен. Он шел один и предъявил билет, как остальные посетители, а потом затерялся в толпе. В коридорчике возле углового зала, разумеется, никаких камер не было и в помине.

Эксперт дал заключение: смерть наступила от удара тяжелым предметом по голове, очевидно, перелом основания черепа. В этом заключалась еще одна неприятность, поскольку орудия убийства тоже не нашли. Предмет был тяжелый и довольно большой, размеры эксперт уточнит при вскрытии. И спрятать его в небольшом помещении было решительно негде. То есть убийца унес его с собой. Не побоялся, что его остановят – все же Эрмитаж, а не магазин скобяных товаров, там-то наличием в руках молотка или долота никого не удивишь.

Тело увезли, эксперты собрали свое оборудование, зал опечатали. Напоследок Ленская окинула взглядом стены и вспомнила про недостающую картину. Якобы главный хранитель отдела итальянской живописи самолично ее куда-то унес.

Выглядело это странно, тем более непонятно было, унесли картину до или после убийства. Свидетельницу она к тому времени отпустила, но помнила о ее словах насчет реставрации.

Ленская прислушалась на минутку к себе и поняла с усмешкой, что не обошлось тут без Дмитрия Алексеевича Старыгина.

Встречались они с ним, общались по работе, и не раз. Непростой человек Дмитрий Алексеевич, вечно с ним случаются какие-то истории. Ее, Ленскую, он не слишком жаловал за счет ее профессии, однако при последней встрече она вроде бы спасла ему жизнь³. Возможно, сам Старыгин так не считает или вообще забыл о ее существовании, но напомнить ему об этом стоит.

– Александра Павловна, – подскочил к ней один из подчиненных, – тут такое дело...

Выяснилось, что на камерах в Эрмитаже убитый больше не показался. В таком случае следовало поискать его рядом, но как это сделать? Не станешь же проверять все подряд. Кто позволит, да и времени никакого не хватит...

– Тут паренек один... – мялся подчиненный, – в этом деле прямо ас... у него программа такая, по распознаванию лиц... Если файл с лицом этого, – он кивнул в сторону уходящих экспертов, – в эту программу вогнать, то она может помочь...

– Так нельзя его привлечь? – оживилась Ленская. – Говори, Николай, толком, не мямли!

– Нельзя, – подчиненный отвел глаза, – у него с законом проблемы уже были. Он еще когда в школе учился, все оценки себе в школьном журнале на пятерки исправлял. У них там полная компьютеризация. Потом приятеля в военкомате от призыва отмазал. Когда узнали, в школе ругались, конечно, но замяли дело. А в военкомате... сами понимаете. Короче, срок на нем условный висит. Так что к нам его привезти никак не получится, да он и сам не поедет.

– Бойтся?

³ См. роман Н. Александровой «Завещание алхимика».

– Да не то чтобы боится, он, как все программисты, маленько того, – по-своему отвечал Николай, повернув пальцем возле виска, – так что ничего не боится, но здорово нас не любит. Но если по-хорошему попросить, то не откажет. Он раньше с моей матерью на одной лестнице жил, с детства его знаю.

– Ну ладно, съезди к нему, только я ничего не слышала и тебе не говорила, – вздохнула Ленская, – может, толк какой будет. А то просто и не знаю, за что зацепиться...

Николай на бегу обернулся удивленно – чтобы майор Ленская пребывала в такой нерешительности? Да быть того не может! Не такой она человек...

А Ленская отправилась на поиски реставратора Старыгина. Искать его следовало в мастерской, потому что Ленская хотела с ним поговорить неофициально, в спокойной обстановке, надеясь, что так он будет сговорчивее. И еще потому, что, как она правильно рассчитала, картина должна находиться там, в мастерской.

Память у Александры Павловны была феноменальная, причем на все – на лица, на фамилии, на места и даже на книжные цитаты. Так что если посетила она какое-то место, то обязательно найдет дорогу туда в следующий раз. Посему Александра Павловна прикинула, как дойти до мастерской как можно быстрее, крикнула коллегам, чтобы ее не ждали, и отправилась к Старыгину.

Однако по пути оказалось, что несколько залов закрыты, так что пришлось их обходить. По дороге Ленская затесалась в толпу экскурсантов, и толстый швед с красной физиономией и волосами, зализанными на лоб, наступил ей на ногу, да так сильно, что она едва сдержала стон.

Швед многословно извинялся по-английски, Ленской с трудом удалось от него отвязаться. Нога, однако, при ходьбе болела, Ленская с трудом сдерживалась, чтобы не хромать.

Наконец она нашла нужную лестницу и поднялась наверх. Но дверь в служебный коридор была заперта, так что пришлось ждать, когда оттуда вышла женщина с кипой бумаг. На Ленскую она не обратила внимания, та проскользнула внутрь, радуясь, что мастерская уже близко.

Нога болела все сильнее, Ленская даже начала беспокоиться, не сломала ли она палец. Перед последним поворотом она настроилась на рабочий лад и забыла о ноге. Мелькнула неожиданная мысль причесаться перед встречей, чему, надо сказать, Александра Павловна очень удивилась.

Но удивилась мельком и тут же забыла, потому что, когда свернула в нужный коридор, то увидела, как Дмитрий Алексеевич Старыгин запирает дверь собственной мастерской, и лицо у него озабоченное, сердитое даже.

Как уже говорилось, майор Ленская умела анализировать свои наблюдения с фантастической скоростью, так что в данный момент она тотчас сообразила, что реставратор зол, причем не на себя, а на обстоятельства, точнее – на начальство, которое заставляет его делать то, что ему совершенно не хочется. А начальство на нервах оттого, что случилось в Эрмитаже убийство. И если сейчас она, Ленская, станет Дмитрия Алексеевича расспрашивать, то только нарвется на обычное мужское хамство. Старыгин в Эрмитаже на своей территории, что ему какая-то болезненная майорша из полиции.

Александра Павловна Ленская никогда не была замужем, но прекрасно знала человеческую природу.

Старыгин запер дверь мастерской, подергал ручку и заторопился в противоположную сторону.

«Не догнать», – мысленно вздохнула Ленская, глядя ему вслед. И пошла к выходу, стараясь не наступать сильно на больную ногу.

У самого выхода настиг ее звонок шустрого Николая.

– Есть, Александра Павловна! – весело рапортовал он. – Нашли нашего покойничка! Ох и парень у меня, просто ас! Его бы к нам... цены бы ему не было!

– Сам знаешь, что нельзя, – оборвала его Ленская, – ну так что выяснили-то?

– В аэропорту он засветился. Позавчера из Венеции прилетел!

– В аэропорту? – забеспокоилась Ленская. – Слушай, там все по инструкции нужно. Официальный запрос, и все такое... Иначе потом неприятности будут!

– Да знаю я, знаю! – Как видно, близость безбашенного программера плохо влияла на подчиненного. – Мы только посмотрим, а потом уже официальный запрос pošлем.

Ленская только вздохнула и отсоединилась. И тут услышала громкие голоса и увидела группу туристов, так же, как она, направлявшихся к выходу. И среди них того самого толстого шведа с такой прической, как будто корова его языком лизала, причем долгое время. Прежде чем швед встретился с ней глазами, Ленская успела скакнуть в угол к лотку с альбомами и книгами по искусству. Получилось не слишком грациозно, зато быстро, и нога на этот раз не подвела.

– У вас есть что-нибудь о Тинторетто? – спросила она продавщицу.

– Да, конечно, – ответила приветливая женщина, подавая увесистый том.

Ленская проглядела биографию художника. Родился тогда-то, умер тогда-то. Жил и работал в Венеции. Основная часть его картин находится в Венеции, в церквях... далее следовал внушительный список, а также в музее Академии и других музеях мира. В том числе и в Эрмитаже три картины.

Ленская полюбовалась на портрет адмирала Морозини. Суровый такой мужчина в доспехах, в руке – жезл, символ его власти. Даже на репродукции видно, что портрет очень хороший. Однако... она и раньше знала, что Тинторетто – венецианский художник. А теперь убедилась, что так оно и есть.

Венеция... И тот убитый тоже прилетел из Венеции. Казалось бы – какое уж тут совпадение, где – Крым, а где – Рим... То есть какое отношение может иметь портрет венецианского художника шестнадцатого века к пассажиру, прибывшему из Венеции буквально вчера...

Однако развитая интуиция подсказывала майору Ленской, что что-то тут есть.

– Будете брать? – спросила продавщица.

Ленская взглянула на цену и отказалась.

На улице шел дождь, с Невы задувал еще и сильный порывистый ветер. Шведы с шумом загружались в автобус. Ленская закашлялась, закуталась поплотнее в шарф и махнула рукой проезжающей машине, сообразив, что поездки на общественном транспорте она просто не выдержит.

Николай ждал ее на рабочем месте. Вид у него был чрезвычайно растерянный.

– Что не так? – спросила Ленская, закрывая форточку и с облегчением разматывая кусачий шарф. – Не удалось выяснить имя пассажира? В аэропорту неприятности? Они обнаружили, что тот парень влез в их компьютер?

– Да они там все поголовно прыщ у себя на носу не обнаружат! – зло буркнул Николай. – Ну сами посудите, Александра Павловна, имя нашего покойничка выяснили мы без труда. Симаков Юрий Валентинович, так? Дальше, сказал я парню своему спасибо, беседу провел профилактическую, чтобы не слишком зарывался и в серьезные фирмы для развлечения не лез, и уехал. И здесь уже прогнал этого Симакова по нашей базе данных. И что нашел? Да ничего, погиб Симаков Юрий Валентинович два года назад в ДТП.

– Где погиб, у нас?

– В Псковской области, – угрюмо сказал Николай. – Возле поселка Запечье. Вот как они работают? Человек по фальшивому паспорту летает, а им и горя мало!

– А вот и нет, – сказал, входя в комнату, второй подчиненный Ленской, тоже молодой человек с рысьими глазами и быстрыми повадками. Чем-то эти двое были неуловимо похожи, посторонние даже их путали. Второго звали Сергеем.

– А вот и нет, – повторил парень, – летел наш покойничек по самому настоящему паспорту. Я сейчас от экспертов, там что-то определенное говорить еще рано, вскрытие завтра будет, однако на словах сказал мне Михалыч, что лысина у него на голове вовсе не лысина, а просто выбрито это место... ну, на манер тонзуры у монахов.

Ленская тотчас вспомнила портрет монаха-бенедиктинца в зале, где произошло убийство. Точно, тонзура.

– Опять же волосы крашенные у него, более темные, – продолжал Сергей, – я так думаю, это для того, чтобы на фотку в паспорте походить. Так что какие к ребятам в аэропорту претензии? Они проверяют только, если человек в розыске или алиментов не платит, а у покойника в этом смысле все в ажуре.

После этого Ленскую вызвали к начальству, которое было недовольно тем, что никаких положительных сведений по эрмитажному делу не могла Александра Павловна сообщить. И то сказать – когда успеть-то? Только утром убийство в Эрмитаже произошло. Однако начальство все же было недовольно. На то оно и начальство.

Спала Ленская плохо. Снились ей бесконечные портреты средневековых монахов в капюшонах, рыцарей в доспехах, дам в карнавальных масках. Вся эта публика беспокойно перемещалась, все время меняясь местами, как в сложном танце, так что у Ленской во сне голова шла кругом.

Проснувшись она, разумеется, с головной болью. Одно хорошо – проснулась сама, без будильника. Будильник был у нее куплен специальный, имевший звонок повышенной громкости, поскольку обычного звонка Ленская просто не слышала. Не сразу просыпалась она и от этого, так что некоторые соседи были очень недовольны, они спросонья думали, что на дом падает самолет.

На этом все хорошие новости кончились, потому что выяснилось, что нога, отдавленная вчера зализанным шведом, распухла и наступать на нее невозможно. Горло было немного лучше, зато здорово стреляло в ухе, выходит, вчера на набережной возле Эрмитажа ее все-таки просквозило.

От всех этих мелких хворей помогала Ленской соседка по лестничной клетке. Соседка поругивала ее иногда, но все же жалела эту тетеху и всегда готова была прилечь, потереть, намазать и поставить компресс на больное место. И, зная уже, что все болячки проявляются у Ленской исключительно по утрам, взяла себе за правило навещать ее перед работой, заодно кое-чего и к завтраку принести.

Взглянув на ногу и сочувственно выслушав рассказ Ленской о неуклюжем шведе, соседка мысленно покачала головой и подумала привычно, что бывают же такие тетки – подумаешь, на ногу наступили, обычный человек на такое и внимания не обратит, а этой вон прямо больничный выписывай...

Следует заметить, что соседка хоть и знала, что Ленская работает в полиции, но понятия не имела о ее должности и главное – о феноменальных качествах майора Ленской. И тем более не знала о прозвище, которым наградили ее коллеги.

Итак, соседка забинтовала ногу эластичным бинтом и закапала в ухо камфарного спирта.

Стрелять в ухе перестало, зато теперь Ленская плохо слышала этим ухом, и камфарный спирт невыносимо вонял, так что хотелось чихать без перерыва. Да еще пришлось надеть старые разношенные сапоги, и то молния из-за бинта застегнулась не до конца. Однако, выпив чаю с оладьями, принесенными той же соседкой, Ленская почувствовала себя лучше и поспешила на работу.

Там поджидали ее две новости от экспертов. Во-первых, на голове убитого под сбритыми волосами обнаружилась татуировка. Патологоанатом позвонил Ленской по телефону, так как знал, что она будет рада любым новостям.

– Как раз под раной, – сказал он, – небольшая такая татушка, сантиметра полтора в диаметре, похожа не то на половину восьмерки, не то на знак вопроса, только без точки внизу. Я тебе, Александра Павловна, фотку на телефон скину.

– Это все пока? – нетерпеливо спросила Ленская.

– Пока да, – недовольно ответил врач, – с орудием убийства неясно, никаких следов не найду.

Вторая же новость была и вовсе незначительная. Прибежала Танечка из лаборатории и принесла в пакетике шерстинку. Небольшая такая шерстинка, трехцветная. Нашли ее на убитом, причем к одежде его она отношения никакого не имела. Зацепилась за кнопку на куртке, так что вполне могла принадлежать убийце.

Ленская прикинула наскоро: если убийца подошел к неизвестному сзади, а, скорее всего, так оно и было, поскольку каждый бы насторожился, увидев, что на него замахиваются чем-то тяжелым... так вот, если убийца подошел сзади и, ударив, слегка придержал, чтобы тело не свалилось на пол с грохотом, то вполне мог покойник, падая, зацепиться за одежду на убийце и вырвать ниточку.

Танечка перевела дух, стрельнула глазами в подошедшего Николая и выпалила, что шерстинка не простая, она не овечья и не козья, а сделана из шерсти ламы, не то альпака, не то гуанако, и краситель на шерстинке натуральный, из растения, которое произрастает исключительно в Южной Америке. После этого Танечка стрельнула глазами в вошедшего Сергея и убежала.

– Ничего не понимаю, – протянул Сергей, не обратив, надо сказать, ни малейшего внимания на Танечкины взгляды, – альпака... вроде бы из ее шерсти пледы делают. Или пончо...

– По-твоему, убийца в Эрмитаж в пончо явился? – прищурился Николай.

Ленская поглядела на шерстинку и поняла, что нужно идти к специалистам.

Специалисты по животным находятся в Зоологическом институте. Ленская долго звонила туда, пока не добилась разговора с сотрудником по фамилии Горбиков. Договорились с ним встретиться через два часа, хоть он твердил, что очень занят, и всячески набивал себе цену. Но майор Ленская умела быть очень настойчивой.

Николай отвез ее на Стрелку Васильевского острова на машине, а сам поехал в аэропорт. Зоологический институт вместе с одноименным музеем располагался рядом, на Университетской набережной.

Вахтерша Ленскую не пустила, несмотря на солидное удостоверение, велела ждать, когда за ней придут, потому как постороннему человеку в их коридорах запросто можно затеряться. Сесть было негде, нога, несмотря на бинт, побаливала, но Ленская решила не обращать на нее внимания.

– Идет уже, – бросила наконец вахтерша.

За ее спиной по лестнице спускался мужчина, удивительно похожий на верблюда. Вышагивал он не спеша, аккуратно и раздумчиво ставя прямые ноги, горделиво посматривая по сторонам – ну, просто вылитый корабль пустыни! Ленская вспомнила, что фамилия его – Горбиков, и едва подавила усмешку.

Мужчина приблизился к будочке вахтерши и огляделся. Не обратив на Ленскую никакого внимания, он спросил:

– Зинаида Михайловна, ко мне тут девушка должна из полиции прийти, она уже ждет?

– Девушка – это я. – Ленская выступила вперед.

Мужчина быстро окинул ее взглядом и не сумел скрыть разочарования. Вряд ли он ожидал, что придет к нему длинноногая фотомодел, но уж никак не представлял, что это будет блеклая, унылая, замученная жизнью тетка в сверхскромной одежде и старых, донельзя разношенных сапогах.

– Хм... – произнес мужчина и стал похож на верблюда, который целый месяц шел по пустыне к колодцу и только что выяснил, что воды в нем нету.

– Мы с вами договаривались, – невозмутимо напомнила Ленская, ее мало трогало то, как к ней относились мужчины.

– Да, конечно, – буркнул мужчина, – идите за мной.

И быстро пошел вперед, не оглядываясь.

Если по прямой можно было идти, стараясь не наступать сильно на больную ногу, то подниматься по лестнице таким образом невозможно. Ленская сжала зубы, чтобы не стонать, и кое-как поспевала за Горбиковым. Наконец подъем закончился, и начался длинный коридор. Тут Горбиков развил прямо-таки крейсерскую скорость. А еще говорят, что верблюды ходят медленно, что ценят их не за быстроту, а за выносливость. Все врут!

С выносливостью у Ленской обстояло плоховато, зато хватало силы воли, упорства и целеустремленности. Она еще сильнее стиснула зубы и не отставала от своего спутника ни на шаг. Наконец они свернули в боковой коридор, где мелькнула вывеска: «Отдел парнокопытных». Дальше пошли разные козы, коровы, и наконец Ленская увидела табличку «Семейство верблюдовых». И только было приостановилась, но ее провожатый помчался дальше мимо таблички «Род ламы» и открыл наконец дверь кабинета.

Кабинет был небольшой, заставленный закрытыми шкафами, единственная свободная стена была завешана цветными таблицами и плакатами. Ленская без спроса уселась на шаткий стул, достала из объемистой сумки блокнот с вываливающимися страничками и пакетик с шерстинкой.

– Задавайте ваши вопросы, – сказал Горбиков, сев напротив, и поглядел на нее с брезгливым недовольством, – только, пожалуйста, быстрее, а то я очень занят.

– Хорошо, – кротко сказала Ленская, и вопросы посыпались из нее, как горох из мешка.

Какой именно ламе принадлежит эта шерсть? Какие красители использовались? Какую одежду делают из этой шерсти и кто? Где ее можно увидеть?

С каждым вопросом Горбиков все больше скучнел и даже не сделал попытки рассмотреть шерстинку. Ленская задала все вопросы и посмотрела на него в ожидании, хотя уже составила свое мнение об этом человеке – пустой, мало знает, в деле своем не разбирается, только вид делает. Однако если майору Ленской нужно было получить информацию, она ее обязательно получала.

– Итак, – сказала она, отложив блокнот, – что вы можете сказать по поводу этого вещественного доказательства? Вы же специалист, сами согласились на встречу, а у меня, между прочим, время не свое, на службе нахожусь.

Под ее взглядом Горбиков заерзал на стуле, ему стало неудобно, он устался на дверь, мечтая, чтобы кто-то спас его от этой настырной тетki из полиции.

И помощь пришла.

Дверь открылась, и в кабинет вошла крошечная старушка. Седенькие волосики были собраны в аккуратный узелок на затылке. Серенький скромный костюмчик, туфли на удобном квадратном каблуке, очки в самой простой оправе.

– Извините, – сказала она неожиданно молодым голосом, – мне вот подписать...

Горбиков радостно вскочил со стула.

– Вот! – закричал он. – Вот, Александра Павловна вам все объяснит и расскажет! А я занят, у меня совещание! – и тут же выскочил в коридор, чуть не сбив старушку с ног.

«Еще и тезка», – подумала Ленская и приветливо улыбнулась старушке.

– Я много лет работаю в отделе лам, – сказала старушка, – ламы вообще удивительные животные. Существует просто одомашненная лама, ее используют для перевозки грузов по крутым горным дорогам, где не пройдет никакой другой транспорт, есть также альпака – от нее берут очень ценную шерсть, а также дикая лама – гуанако, от которой произошли все остальные

разновидности. Можно скрестить обычную ламу с одногорбым верблюдом, получится животное, которое называют кама. К сожалению, они стерильны, но это очень сильное животное, выносливое, как верблюд, и покрыто шерстью, как лама. Плюется тоже как верблюд, – с улыбкой добавила Александра Павловна. – Впрочем, вам ведь нужны более конкретные сведения.

Вопросы повторять не пришлось, старушка получила разрешение распечатать пакетик, взяла шерстинку в руки и подошла к окну. Посмотрела на свет, затем помяла в пальцах и понюхала.

– Что ж, – сказала она, усаживаясь напротив Ленской, – могу сказать, что это шерсть особого вида ламы. Относится она к подвиду альпака, но шерсть имеет очень тонкую и мягкую.

Тут старушка выдала очень сложное латинское название ламы и добавила, что животное достаточно редкое, в неволе размножается плохо и в качестве домашнего животного его почти не разводят.

Однако в одном месте, в предгорьях Анд, живут индейцы, которые сумели как-то с этой ламой договориться. Шерсть прядут вручную, поскольку она очень тонкая, не выносит машинной обработки, затем красят, причем используют только натуральные красители, секрет которых передается у индейцев из поколения в поколение, а затем вяжут из нее одежду. Сама она никогда такие вещи не видела воочию, но утверждают, что шерсть ламы обладает целебным действием. Одежда тонкая, почти невесомая, но очень теплая, нет от этой шерсти ни аллергии, ни вообще никакого раздражения.

При этом старушка с пониманием и даже сочувствием покосилась на шею майора Ленской, замотанную шарфом, а сама Ленская тут же почувствовала неудержимое желание почесаться.

Старушка вытащила из шкафа большой старый альбом, покрытый пылью, от этого действия у Ленской сразу же засвербело в носу. Старушка пролистала альбом и показала Ленской фотографию – молодая индианка была одета в нечто, подобное длинному свитеру.

– Теперь, конечно, что-то более современное вяжут, – усмехнулась старушка, – однако орнамент и сочетание цветов те же. Традиция, знаете ли...

Цвета были неяркие, но какие-то живые и теплые. Даже на фотографии видно было, что такую одежду приятно носить. Ленская не удержалась и все же чихнула.

– Больше ничем помочь не могу, – вздохнула старушка, – дальше уж вы сами... Да, вот еще что... – она легко присела и пошарила на нижней полке шкафа, – где-то тут было... ага, вот она.

Она протянула Ленской маленькую баночку.

– Когда-то давно мы в Казахстане в экспедиции были. Так там казахи верблюдов этой мазью лечат. Не дай бог верблюд в пустыне охромеет, так они эту мазь всегда с собой возят, без нее никуда. Да вы не бойтесь, – засмеялась старушка, заметив, что Ленская смотрит на баночку весьма недоверчиво, – что человек, что верблюд, нога она и есть нога. На себе проверяла. Значит, на ночь намазать и завязать, наутро все как рукой снимет...

Вернувшись в Управление, Ленская не сразу нашла время, чтобы посидеть за компьютером. Навалились срочные дела, так что пришлось отложить все до вечера. И только к концу рабочего дня Ленской удалось найти кое-что полезное.

Все оказалось так, как рассказала ей милая старушка Александра Павловна.

Индейцы в далекой Южной Америке наладили небольшое предприятие по производству одежды из шерсти удивительной ламы. Точнее, слово «производство» тут неуместно, поскольку все делалось вручную, как и много лет назад. Одежду эту покупала у индейцев одна фирма, которая торговала по всему миру. Одежда пользовалась спросом, потому что и правда обладала лечебными качествами, во всяком случае, так утверждалось в рекламе. И самое главное – бутик фирмы «Прекрасная скво» был в Москве, а филиал его – в Петербурге.

Ленская оторвалась от монитора и протерла уставшие глаза, не веря такому везению. Затем выписала адрес бутика и решила идти туда завтра утром. Не рано, конечно, вряд ли он открывается раньше одиннадцати.

Утро принесло хорошую погоду. Нудный мелкий осенний дождик наконец закончился, теперь по бледно-голубому небу плыли кудрявые облака, и даже неяркое осеннее солнышко выглядывало несмело и неуверенно.

Александра Павловна Ленская проснулась в хорошем настроении, и звонок будильника настроения этого не испортил. Осторожно встав с кровати, она обнаружила, что нога, отдавленная зализанным шведом, не болит вовсе и отек спал.

Получалось, что зоологическая старушка была права, мазь для верблюдов годится и для человека. Горло прошло, однако от кусачего шарфа на шее выступило раздражение.

Ленская надела свитер с высоким воротом и повязала под ним шею простой белой косынкой, поскольку от шелка шее тоже было нехорошо. Она успела даже поджарить яичницу и вышла из дома пораньше, чтобы пройтись по хорошей погоде пешком до метро.

В бутик «Прекрасная скво» она попала только после обеда, до того не было никакой возможности вырваться с работы.

Бутик располагался в центре на тихой улице с односторонним движением. Движение было небольшое. Ленская вошла в неприметную дверь и огляделась.

Ничто не напоминало здесь, что она находится в магазине. Не было витрин, не было полок с товарами, не стояли манекены, одетые в образцы. Зато все стены были увешаны постерами, на которых красивые индианки позировали на фоне горных пейзажей в обнимку с такими же красивыми ламами. На девушках были свитера, жакеты и шали дивного сочетания цветов, и даже по картинке было понятно, что одежда совершенно изумительного качества.

Ленская невольно загляделась на постеры, и тут ее окликнула девица, появившаяся из неприметной двери:

– Дама, вам что угодно?

Девица была не первой молодости и даже не второй, а уверяла всех, и себя в том числе, что у нее еще все впереди. Казалось, все было у девицы, что положено: и пухлые губы, и ресницы, и бюст, но на фоне индианок на постерах она сильно проигрывала, оттого, видно, и смотрела на Ленскую волком.

– Вы, наверно, дверью ошиблись, – сказала девица, подходя ближе, – вам не к нам надо.

– Отчего же, – сказала Ленская, – именно к вам.

Она вновь оглядела помещение бутика.

– Скажите, а могу я посмотреть на вашу одежду, так сказать, воочию...

– Не можете! – отрубила девица. – Мы торгуем только по предварительным заказам. Клиент выбирает одежду по каталогу, и ему ее привозят. И... у нас дорого, вам не по карману.

– Я поняла. – Ленская наклонила голову и стала рыться в сумке.

– Дама, вам что непонятно? – девица подошла близко, так что перед глазами Ленской возник ее обширный бюст. – Вы уйдете или охрану вызвать? – Но в это время удостоверение, закатившееся на дно сумки, попало наконец Ленской в руки.

Было бы очень удобно положить его прямо на девицын бюст, как на полочку, но Ленская этого не сделала, а показала удостоверение из своих рук. Девица еще больше округлила глаза и заорала внезапно, как будто ее режут:

– Алла Геннадьевна-а!

И тут же в помещении появилась очень ухоженная дама средних лет, одетая и причесанная с большим вкусом.

– Карина, что случилось? – спросила она.

– Вот! – Карина ткнула пальцем в Ленскую. – Из полиции к вам!

Губы дамы продолжали приветливо улыбаться, но в глазах мелькнуло что-то настолько жесткое, что Ленской захотелось поежиться, как на холодном ветру.

– Прошу вас ко мне в кабинет! – сказала хозяйка бутика.

Ленская очень коротко изложила свою просьбу, но не нашла понимания.

– Вы хотите, чтобы я перечислила вам имена всех своих клиентов? Да, клиенты у нас постоянные, случайных людей нету, потому что наша одежда... ну, как бы сказать, специфическая, что ли... Вот. – Она открыла ящик стола и достала оттуда шарф. И тут же накинула его на плечи Ленской.

И Александре Павловне Ленской, майору полиции, которому завистливые коллеги дали прозвище Чума, тут же показалось, что шею ее обнимают теплые ласковые руки, и прошло раздражение от кусачего свитера, и плечо перестало ныть, и она поняла, что шея отныне будет поворачиваться не как раньше – со скрипом и болью, а легко и в разные стороны.

Ей захотелось закутаться в дивный шарф поплотнее, устроиться поудобнее в кресле, зажмуриться и замурлыкать. В общем, майор Ленская почувствовала самое настоящее счастье.

Такое состояние продолжалось минуту или две, после чего Ленская усилием воли сбросила с себя наваждение вместе с шарфом. Для этого пришлось напомнить себе, что она на работе.

– Видите, – хозяйка смотрела с пониманием, – вы и сами почувствовали. Есть люди, которые просто не могут носить ничего другого. У кого-то – болезнь кожи, у кого-то что-то психологическое. Во всяком случае – мои клиенты все приличные небедные люди, и я не могу их подводить. Им это не понравится, а я не хочу потерять клиентов.

Ленская посмотрела хозяйке в глаза и поняла, что та не уступит, даже если пригрозить. Не боится хозяйка, что полиция испортит ей жизнь и торговлю, стало быть, есть у нее кто-то высокопоставленный, кто заступится и разрулит все ее неприятности.

– Ну, хорошо, – сказала она, – я вовсе не собираюсь проверять всех ваших клиентов. Но... не случилось ли в последнее время чего-то необычного?

И тут же поняла, что она на правильном пути, потому что в глазах хозяйки что-то мелькнуло. Она тут же взяла себя в руки и отрицательно покачала головой. И губы сложила в извиняющуюся улыбку – мол, сожалею, но ничем помочь не могу, но Ленская-то прекрасно умела читать по глазам. Что-то тут было. Но хозяйка не скажет.

– Не хотите ли шарфик взять, – неуверенно спросила хозяйка, – не в подарок, скидку большую сделаю...

– Не получится. – Ленская отодвинула от себя соблазнительный шарф и вышла из кабинета.

И столкнулась с Кариной, которая, надо думать, подслушивала возле дверей. Увидев Ленскую, Карина сделала странное движение глазами: сначала скосила их влево, потом покрутила вокруг своей оси, после чего вопросительно уставилась на Ленскую.

Как уже говорилось, соображала майор Ленская быстро. Так, сейчас она догадалась, что Карина велит ей выйти на улицу, свернуть налево, обойти квартал и подойти к бутику с черного хода. Ленская кивнула в ответ и устремила к выходу из магазина, прихватив по дороге буклет с фотографиями.

Повернув налево, она очень скоро нашла неприметный проезд между домами, затем вышла в узкий переулок и очень скоро нашла калитку, которая вела во двор. С пространственным воображением у майора Ленской был полный порядок, так что она приоткрыла калитку и вошла во двор. И тут же увидела Карину, которая выглядывала из довольно обшарпанной двери и манила Ленскую.

– Вы уж извините, – сказала Карина смущенно, – извините, что я с вами так... Мне перед этим от хозяйки здорово попало. Это она перед клиентами стелется, прямо не женщина, а

пирожное с кремом, а когда надо, умеет так разораться, что стекла дрожат. Ох, чует мое сердце, уволит она меня скоро...

Ленская не стала ее прерывать, слушать она умела.

– Вы вот спрашивали выжигу нашу, не случилось ли чего необычного, – зашептала Карина, – так она ни за что не скажет, а я скажу. Приходила она вчера.

– Кто?

– Ну, клиентка наша. Приносила кардиган такой длинный... – Карина вырвала из рук Ленской буклет и мигом нашла нужное изображение.

Кардиган был прекрасен, Ленская тут же подавила в себе мысль, как хорошо бы ей было в этом кардигане.

– В общем, порвала она его где-то. И сразу не заметила, а он пополз. Из маленькой затяжки широкая петля. Она и прибежала к нам – что делать? А сама вся красная. Какая-то у нее аллергия на другую одежду, только в нашей ходить может.

– Так что – у нее один кардиган, что ли? – удивилась Ленская.

– Я так поняла, что не в нашем городе она живет, что у нее здесь одежды мало. Ну, наша выжига ей и говорит – можем вам поменять, только не сразу, потому что в наличии нету, работаем на заказ по каталогу. Та просит адрес мастерицы, что зашить сможет, поскольку ждать долго клиентка не станет, уезжает скоро. А хозяйка ни в какую, потому что у нее свой секрет. Она вещи, которые с браком, обратно поставщику не отдает, а только сообщает, что брак есть. Тот цену снижает, тогда она мастерице отдает, у той тетки руки золотые, она все устранил, а хозяйка потом за полную цену вещь продает и разницу себе в карман складывает. Одежда дорогая очень, ей выгодно. А я и решила – сделаю доброе дело, ну и сказала клиентке адрес той мастерицы, Вера ее зовут.

– Что, денег она тебе мало дала, что ты мне про это рассказываешь? – усмехнулась Ленская.

– Вообще не дала! – Карина махнула рукой. – Тут как раз наша выскочила и разоралась, а эта клиентка и смылась. Мне попало, уволят теперь небось, так что я их покрывать не собираюсь. Вот, возьмите. – Она протянула клочок бумаги, на котором был нацарапан адрес и имя – Вера Щукина.

Тут из-за внутренней двери послышался грозный вопль:

– Карина, где тебя носит!

– Иду уже! – гаркнула в ответ Карина. – Покурить нельзя пять минут! Что я, не человек?

– Звони, если проблемы какие будут, – шепнула Ленская, всунув в карман Карины бумажный квадратик с телефоном, – да, клиентку опиши. Молодая, старая?

– Молодая, чуть за тридцать, – уверенно сказала Карина, – худая, высокая. Волосы светлые, по плечо. Так, в общем, ничего особенного, в глаза не бросается... Но что-то в ней есть.

– Карина! – взвыли уже прямо за дверью, и Ленская скакнула прочь быстрой ланью, откуда и прыть взялась.

– Николай! – на бегу она взялась за телефон. – Я тебе сейчас вышлю фотографию кардигана. Значит, в него одета была блондинка, высокая, худощавая, волосы прямые до плеч. Что еще? Сумка у нее должна быть размеров приличных, не ридикуль театральный. Значит, в Эрмитаже на камерах должна она быть хоть как-то. Пошли кого-нибудь просмотреть записи, хоть сутки пусть сидит. Но лучше быстрее, главное – лицо чтобы было видно. А сами меня с машиной подберите возле... – она назвала адрес портнихи Веры Щукиной.

– Есть! – по-военному ответил Николай.

Мастерица Вера Щукина жила в обычной пятиэтажке на первом этаже. Дом, как водится в таких районах, затеняли высокие деревья, сейчас неспешно роняющие пожелтевшую листву.

Машину поставили в сторону, поскольку возле пятиэтажки стоянки не было. Зато была лавочка, которая в данное время пустовала, очевидно, старушки пили дома чай и смотрели любимый сериал.

Один из молодых людей с рысьими глазами придержал дверь подъезда, когда оттуда выскочили две девчонки с самокатами, и троица вошла. Дверь нужной квартиры была самой обычной, как у всех. Ленская подняла уже руку к звонку, но что-то ее остановило. Какое-то ощущение. Точнее, запах. Из квартиры очень неприятно пахло.

– Газ, – сказал Николай, приложившись носом к щели, – точно, газом пахнет.

Ленская убрала руку – раз в квартире утечка газа, то звонить нельзя, звонок может спровоцировать взрыв. Тут раскрылась дверь квартиры напротив, и на площадку выбежал джек-рассел-терьер. Увидев такое непривычное скопление народа, криволапый пес грозно залаял. Тут же появилась его хозяйка – бодрая старуха в стеганой куртке и резиновых сапогах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.